

Живет в Москве (Россия).

1. Диалог

И в этот вечер ветер доносил до меня обрывки
Разговора Поэта и Музы, происходившего за окном.
Успевшие быть наскоро записанными отрывки
Привожу здесь. Остальное... как-нибудь потом.

Я не верю в случайности, не зависящие от судьбы.

Я не верю в случайности, уготованные людьми.

Я не верю тому, кто однажды
Меня обманывал. Только лишь
Закрываю глаза. Пусть дважды,
Наступая на те же самые грабли...

Расшибаешь лоб до крови. Так лучше помнится.
Щеками от слез мокрыми до дождя дотронуться...

И отпрянуть. В городе дневном раствориться.
Убежать... бежать и сливаться с толпой,
Не всматриваясь в окружающие лица.
И лишь шептать: «Спасибо, что – живой!».

И не искать причины в сером градиенте неба.
Отринуть всеобщее: «Зрелищ и хлеба!».

По тротуарам, укрывшимся в водах,
Пренебрегая зонтом, брести...
Диагональ ноябрьской коды
Уже во всю диктует как себя вести.

И задает нам темп и замедляет общий ритм.
О том, что будет, мы еще с тобой поговорим.

По тротуарам, безмолвным и обнаженным,
По узким улочкам, до мелочей знакомым взгляду,
Идти, в ночных витринах оставаясь отраженным.
Идти, сливаясь с ними, словно брызги с водопадом.

Иди, дыша ночной прохладой, вдоль мерцающих огней.
Пусть все сегодня будет не совсем «как надо». Чуть нежней.

Ты можешь. И я сегодня, зная, увижу море
Дивных историй про любовь и войну,
Одиночество, дружбу, счастье и горе,
Честь и позор, героя и вора. И одну...

Ты сам поймешь, где краской, где резцом, а где простым карандашом,
И чтобы все – все было не напрасно. Ты тоже был когда-то малышом.

Лишь смутный образ утра маячит впереди.
И сердце размеренно бьется в груди. Раз. Два. Три...
Незаживающие раны ты оставь, не береги.
Решения, принимаемые рано – ... ты посмотри:

Уходят из порядком юного «сегодня» в слишком взрослое «вчера».
То есть лишь смутный образ, возможно, недопонятого утра.

Под вихрем из мнимых дилемм
Они порой безвременно уходят.
А вдруг они верны, но не совсем,
Или верны, но... в некотором роде.

А сердце размеренно бьется. Раз. И два. И три. Жизнь идет дальше.
Что было – уже не вернется. Ни-ко-гда. Не будет «как раньше».

И оркестровая яма нынче пуста,
Сегодня будет балет без музыки.
Представлена картина без холста,
И Млечный Путь сегодня – самый узенький.

А за одним окном к нам, кажется, прислушались. Держу пари,
Ты можешь дать сегодня стоящий совет. Ну, говори...

Из общепринятого колодца все пьют – не напьются.
И мир не скovyрнется от общих парадигм.
Обидой прошлого так просто захлебнуться,
Но ты оставь их в прошлом, позади.

День не напрасно канул в лету. И кто-то будет жизнью одержим,
Ты за окном сегодня разбудил Поэта. Продолжи и ещё скажи...

А ты бреди, не ощущая на плечах чужого груза.
Чуть ближе к утру побледнеют и угаснут фонари,
А ты бреди... ведь у поэта время прогуляться с музой
Существует только между «от заката» «до зари».

2. Фортепиано

Ты любил играть на стареньком фортепиано,
Кем-то подаренном нашему чердаку,
С желтыми зазубренными клавишами,
Столько рук повидавшими на своем веку.

На прикорнувшем у чердачного окошка,
Там, где лунный свет, вплетаясь в звук,
Почему-то был особо дорог белой кошке,
Появлявшейся из ниоткуда просто вдруг.

Ты любил, приподнимая крышку,
Пыль сдувать, вдыхать её, и начинал...

Ты уверял, что можно, не читая книжки,
Сесть и от души играть. И ты играл...

Ты оживлял расстроенные струны,
Ты извлекал из них мелодию души,
Встречал периодические луны,
Играл, и торопиться не спешил.

И если за окошком раздавался
Тихий шелест велосипедных шин,
Значит, это ты с работы приближался,
Домой стремясь быстрее всех машин.

Ты через пять секунд уже стоял у двери,
Ты через пять ступенек прыгал, не шагал.
Меня к себе прижав, с мороза оголтелый,
Нес на руках к дивану, и играл...

А теперь чердак заброшен, заколочен...
И параличом разбит велосипед...
К клавишам никто не прикасался ночью
Вот уж как минуло тридцать лет.

Ты любил играть на фортепиано,
Очень. Часто
До рассвета засыпая пьяным
От Счастья.

3. Комната под абжуром

На выходном спектакле в зале было пусто,
И завтра выйду я «не солоно обедав».
А вам смешно, даже когда мне грустно...
Вздохну и поклонюсь вам напоследок.

Сегодня без цветов пришел последний зритель,
И мое имя – в блекнущем углу афиши,
Восторженные возгласы: «Вот он идет, смотрите!» –
На проходной заметно стали тише.

За занавесом павшим обернувшись,
Я вижу перспективно-заменяемую нишу.
Пойду домой, печально улыбнувшись:
Непопулярный – все равно что бывший.

Зайду. На гвоздик свой пиджак повесив,

Я заварю на узкой кухне чай цейлонский,
Перечитаю сто страниц дебютной пьесы
И затянусь бессчетной папироской.

На столике в гостиной – недопитый кофе.
С помято-поблекшей обложки журнала
На меня оглядывается мой же профиль,
Надо мной теперь посмеиваясь вяло.

И телефонный шнур обрезан у розетки,
Сам аппарат утоплен в кипе пожелтевшей прессы.
Последние года мне звонили редко,
Меня смиряя омертвевшим интересом.

Доверху пепельница набита окурками.
Комната под абажуром. Тускло. Мерцает лампа.
Время измеряет нас годами и минутами,
Под временным гапра блекнут огни рампы.

Я в двадцать два был стариком второго плана,
А в тридцать восемь – я Ромео пылкий.
Старый плед – цветной на дремлющем диване,
Я теперь отцветший и безликий.

Жизнь – несостоятельность природного обмана,
Ей под стать:
Блеск и яркость нынче – на счету статистов.
Я на сцене жизнь играл, чтобы в жизни рьяно
Сыграть
Исповедь устаревшего артиста.